

М.И. Ростовцев

Скифия и Боспор

**Критическое обозрение памятников
археологических и литературных**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 902
ББК 63.4
М11

М11 **М.И. Ростовцев**
Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников археологических и литературных / М.И. Ростовцев – М.: Книга по Требованию, 2023. – 626 с.

ISBN 978-5-458-39735-3

ISBN 978-5-458-39735-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТДѢЛЪ I.
ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ
И ЭПИГРАФИЧЕСКІЕ

Рукопись выходящаго нынѣ въ свѣтъ сочиненія М. И. Ростовцева была представлена авторомъ въ 6. Археологическую Коммиссію и включена ею въ число своихъ изданій въ началѣ 1918 г. Къ печатанію приступлено было вскорѣ послѣ отъѣзда М. И. Ростовцева (іюнь 1918 г.). Въ теченіе 1918 и 1919 гг. было отпечатано 22 листа; печатаніе происходило подѣ ближайшимъ наблюденіемъ Товарища Предсѣдателя Коммиссіи, покойнаго В. В. Латышева, который читалъ всѣ корректуры 22 листовъ и подписалъ ихъ къ печати. Продолженіе печатанія оказалось возможнымъ возобновить лишь въ ноябрѣ 1924 г., когда, по ходатайству Предсѣдателя Академіи Исторіи Матеріальной Культуры, Н. Я. Марра, Завѣдующій Главнаукою, Ф. И. Петровъ, отпустилъ необходимыя средства (1.000 руб.) на завершеніе изданія. Начиная съ 23-го листа и до конца книги всѣ корректуры читалъ нижеподписавшійся.

Чтеніемъ корректуръ и ограничилась, въ сущности, моя роль, какъ редактора. Никакихъ измѣненій въ текстъ, за исключеніемъ внѣшне-редакціонныхъ, тѣмъ менѣе никакихъ дополненій или сокращеній, сравнительно съ рукописью, я не дѣлалъ, въ чемъ желающій можетъ удостовѣриться, сличивъ напечатанный текстъ съ рукописью М. И. Ростовцева (стр. 250 — 522: гдѣ находится первая половина рукописи, мнѣ неизвѣстно), которая сдана мною на храненіе въ Архивъ Академіи. Мнѣ принадлежать лишь: примѣчаніе на стр. 594, дополненія и исправленія в концѣ книги, а также ея заглавіе. Составленный мною указатель долженъ былъ бы быть гораздо обширнѣе и полнѣе — такъ обильно фактическимъ содержаніемъ сочиненіе М. И. Ростовцева; но приложить болѣе подробный и разносторонній указатель я не имѣлъ возможности, такъ какъ это удорожило бы изданіе.

Если бы оно производилось подъ личнымъ наблюдениемъ автора, то, возможно, кое-что имъ было бы измѣнено, кое-что добавлено, кое-что сокращено въ напечатанномъ нынѣ текстѣ. Посягать на такого рода работу я не признавалъ себя ни правомочнымъ, ни компетентнымъ. Считаю, однако, не безполезнымъ сообщить здѣсь заглавія посвященныхъ южно-русскимъ классическимъ древностямъ работъ М. И. Ростовцева — поскольку онѣ мнѣ извѣстны, — которыя были опубликованы въ 1918 и слѣд. годахъ: 1) Эллинизмъ и иранство на югѣ Россіи, П. 1918. 2) Курганныя находки Оренбургской области эпохи ранняго и поздняго эллинизма. *МАР.* 37, II. 1918. 3) Ancient decorative wall paintings. *Journ. of hell. stud.* XXXIX (1919). 4) Queen Dynamis of Bosphorus. *Ibid.* XXXIX (1919). 5) South Russia in the prehistoric and classical period. *American Historical Review*, XXVI (1921). 6) Iranians and Greeks in South Russia, Oxford 1922. 7) Bronze belt clasps and pendants from the Northern Caucasus. *Bull. of the Metropolitan Museum of archaeology*, XVII (1922). 8) Les origines de la Russie Kiévienne *Revue des études slaves*, II (1922). 9) Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertsch au Louvre et au Musée de S. Germain. *Monuments Piot*, XXVI (1923). 10) L'art gréco-sarmate et l'art chinois à l'époque de Han. *Arethuse*, 1924 (avril, fasc. 3).

Изъ неоднократныхъ указаній М. И. Ростовцева въ издаваемомъ сочиненіи видно, что все оно разсчитано было авторомъ, по крайней мѣрѣ, на два тома. Появится ли когда-либо второй томъ, неизвѣстно. Но и издаваемый томъ, по богатству, разнообразію, систематикѣ и критической оцѣнкѣ привлеченнаго и разсмотрѣннаго въ немъ матеріала, будетъ, думается, служить отнынѣ настольною книгою для всякаго изслѣдователя, интересующагося судьбами Скиѣи и Боспора. Данное въ этомъ томѣ впервые критическое обозрѣніе археологическихъ памятниковъ Скиѣи и Боспора облегчитъ составленіе того «Corpus tumulorum», которое стоитъ въ планѣ работъ Академіи, а также пригодится и для тѣхъ музейныхъ работниковъ, въ непосредственномъ вѣдѣніи и распоряженіи которыхъ сосредоточены, въ основной своей части, эллинскія и т. н. эллино-скинскія древности южной Россіи.

С. Жебелевъ.

ГЛАВА I.

Общій обзоръ литературныхъ источниковъ.

Нельзя сказать, чтобы литература грековъ и римлянъ мало интересовалась сѣвернымъ побережьемъ Чернаго моря и Кавказомъ. Историческія связи этихъ мѣстностей сначала съ Востокомъ, затѣмъ съ малоазійской и материковой Греціей были настолько интенсивны и восходятъ къ такому раннему времени, что восточное и греческое преданіе должно было неоднократно говорить о сѣверномъ побережьи Понта, Кавказѣ и прилегающихъ мѣстностяхъ. Характерно при этомъ, что, соотвѣтственно историческимъ судьбамъ Скиѳіи и греческихъ городовъ Понта и Кавказа, интересъ культурнаго міра къ занимающимъ насъ мѣстностямъ то повышается, то понижается. Наиболее близка грекамъ, и спеціально грекамъ іонійскимъ, малоазійскимъ, Скиѳіи и греческіе города Понта на зарѣ греческой исторіи, въ эпоху наибольшаго политическаго расцвѣта Скиѳіи и первыхъ этаповъ развитія греческихъ черноморскихъ колоній. VII и VI вѣка—эпоха повышеннаго интереса греческой науки и литературы къ нашему югу, а отзвуки этого интереса слышатся еще въ афинской литературѣ V в. до Р. X.

Частію въ это, частію въ болѣе раннее время мифотворческое мышленіе грековъ перебрасываетъ рядъ мостовъ изъ Эгейскаго моря въ Черное, соединяя съ Кавказомъ и сѣвернымъ побережьемъ Понта цѣлые циклы мѣстныхъ греческихъ материковыхъ, островныхъ и малоазіатскихъ сказаній и мифовъ. Мифъ объ Аргонавтахъ и Медеѣ, о Промеевѣ, объ Одиссеевѣ, объ Ифигеніи, объ Ахиллѣ на Бѣломъ островѣ, о гипербореяхъ, объ ари-масахъ и грифонахъ, наконецъ, полуисторическія сказанія объ амазонкахъ, къ которымъ мы еще вернемся, разъ сложившісь и воплотившись въ вѣчные художественные образы въ греческой литературѣ и греческомъ искусствѣ, навсегда, на всю эпоху существованія античной культуры,

ввели Черноморское побережье и Кавказъ въ кругозоръ мышленія и фантазіи каждаго образованнаго грека и римлянина. Трагедія, эпосъ и лирика никогда не переставали интересоваться выше названными мифами, подвергая ихъ все новымъ переработкамъ, а филологическая ученость, комментировавшая и старая, и новая художественныя произведенія на указанныя темы, бесконечно повторяла въ своихъ объясненіяхъ къ тексту данныя, добытыя ученымъ и квази-ученымъ изслѣдованіемъ, интересъ котораго, въ свою очередь, оживлялся популярностью черноморскихъ мѣстностей въ лизящной литературѣ.

Дѣло спеціальнаго религіозно-историческаго и мифологическаго изслѣдованія Эллэды разобратъ въ томъ, какъ возникли отдѣльные указанные мифологическіе циклы, какъ и почему они связались съ югомъ Россіи. Весьма вѣроятно, что такого рода изслѣдованіе, помимо своего интереса для исторіи греческой религіи, дастъ цѣнныя указанія и для исторіи греческой колонизаціи нашего юга, и для исторіи связи между греческими и мѣстными культами (Ахиллъ на Бѣломъ островѣ врядъ-ли будетъ понятъ безъ связи съ мѣстными оракійскими культами; Ифигенія и ея связь съ Артемидой не маловажны для характеристики соотношенія между культомъ Артемиды и культомъ великой женской богини Малой Азіи и сосѣднихъ мѣстностей). Но такого рода изслѣдованія очень трудны и очень деликатны, въ выводахъ надо быть очень осторожнымъ: поэтому историкъ пока приходится пользоваться данными поэтовъ и ихъ ученыхъ комментаторовъ лишь постольку, поскольку въ нихъ отразилось знакомство съ мѣстностью данной эпохи, поскольку поэты и ученые воспользовались для своихъ цѣлей тѣми положительными свѣдѣніями, которыя давали географы, этнографы и историки. Не надо забывать, однако, что въ греческой наукѣ почти во всѣ эпохи ея существованія много тѣснѣйшимъ образомъ переплетается и съ географіей, и съ этнографіей, и съ исторіей, причемъ ученые не только даютъ матеріалъ для поэтовъ, но и наоборотъ. Гомеровская эксегеза въ исторіи греческой науки, начиная по крайней мѣрѣ съ IV в., играетъ не меньшую роль, чѣмъ чтеніе Геродота для Софокла и знакомство съ Варрономъ и другими антикварами для Вергилія.

Но, помимо образованія и выработки указанныхъ мифическихъ цикловъ, эпоха VII—V вв. до Р. Х. является и тѣмъ временемъ, когда собрано было наибольшее количество положительныхъ, реальныхъ свѣ-

дѣній о нашемъ югѣ. Въ это время сложилась разъ навсегда та картина распредѣленія племенъ и народовъ, сосѣдившихъ съ греческими городами сѣвернаго и восточнаго побережья въ Понта, которая затѣмъ только измѣняется въ деталяхъ, продолжая вліять даже тогда, когда реальная дѣйствительность въ корнѣ измѣнилась. Географическая и этнографическая картина Черноморскаго побережья, установленная іонійской поэзіей и наукой въ лицѣ Аристия, Гекатея, Гелланика, Геродота, Евдокса и Дамаста, сдѣлалась разъ навсегда каноничной. Свѣдѣнія, собранныя ими и явившіяся результатомъ живого интереса ихъ къ черноморскому побережью, интереса реального, практическаго, отнюдь не чисто теоретическаго, были настолько полны, точны и цѣльны, что къ нимъ неминуемо должна была обратиться наука тогда, когда интересъ къ Черноморью ослабъ, когда, по мѣрѣ того какъ слабѣли связи Черноморья съ остальнымъ античнымъ міромъ, свѣдѣнія объ немъ становились все скуднѣе и скуднѣе. Отмѣтимъ также, что, кромѣ общей географической и этнографической картины, тѣ же іонійскіе ученые рассказчики проявили и запечатлѣли въ своихъ произведеніяхъ не только необычайно точное знакомство съ этнографіей Причерноморья, но и единственную по своей полнотѣ и научности освѣдомленность въ государственномъ строѣ, нравахъ и обычаяхъ племенъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ греками черноморскихъ городовъ, будь то оракійцы, скифы, савроматы, синды или вся серія приморскихъ кавказскихъ и малоазійскихъ племенъ. У тѣхъ же писателей мы встрѣтимъ и единственные отголоски религіозныхъ воззрѣній этихъ племенъ и ихъ представленій о своемъ прошломъ. Классическія картины Геродота и трактата *περί ἁέρων* и т. д., несомнѣнно, въ значительной части заимствованныя у ихъ предшественниковъ, рисующія намъ бытъ скифовъ, савроматовъ, колховъ и другихъ сосѣднихъ племенъ, такія же картины, которыя мы можемъ предполагать для Гелланика, не находятъ себѣ параллелей въ позднѣйшей литературѣ, интересовавшейся Черноморьемъ.

И опять-таки причина этому не въ томъ, что въ болѣе позднее время изсякла живая наблюдательность грековъ и ихъ преемниковъ римлянъ, — такія же богатая картины даютъ впоследствии Ксенофонтъ для племенъ южнаго побережья Чернаго моря, писатели эпохи Александра для Азіи, Посидоній для кельтовъ, Тацитъ для германцевъ, Аммианъ для гунновъ (я называю только примѣры), — а въ томъ, что не было болѣе живого, непосредственнаго, практическаго интереса, которымъ вызваны были въ

свое время картины Гелланика, Геродота и особенно псевдо-Гиппократа, не существовало болѣе той крупной политической силы, какой было скиское царство, возбуждавшее къ себѣ острый интерес греческаго міра. Не удивительно поэтому, что все преданіе будетъ затѣмъ жить этимъ матеріаломъ іонійцевъ, которому нечего было противопоставить, и что еще Мела, Цилиній и Аммианъ будутъ повторять данныя Гекатея, Дамаста и Геродота. Вполнѣ понятно, въ виду сказаннаго, что данныя, собранныя въ этотъ періодъ, мы найдемъ повсюду: и у поэтовъ—современниковъ іонійской науки, и въ путеводителяхъ по берегамъ Чернаго моря, такъ называемыхъ периплахъ, серія которыхъ продолжается вплоть до конца античности и воспринимается средневѣковымъ, и у историковъ періода классической Греціи и эпохи эллинизма, и у поэтовъ эллинистическаго и римскаго періода, и во всей эллинистической наукѣ, которую восприняла и римская ученость.

Нельзя однако сказать, чтобы живая связь Эллады съ Черноморьемъ послѣ VI вѣка совсѣмъ прекратилась и притокъ новыхъ свѣдѣній совершенно изсякъ, но центр тяжести интереса перемѣстился. Съ захирѣніемъ великаго скийскаго царства интересъ къ нему у грековъ ослабѣлъ. На первый планъ выдвинулась новая историческая сила—Боспорская держава, связь которой сначала съ Аѳинами, а затѣмъ съ эллинистическимъ міромъ выдвигаетъ ее и наряду съ нѣсколькими другими греческими городами черноморскаго побережья на первый планъ. Отсюда тотъ рядъ свѣдѣній у аттическихъ ораторовъ и тотъ интересъ къ мѣстной боспорской исторіи, который сказывается у аѳинскихъ, а затѣмъ и эллинистическихъ историковъ, пользующихся мѣстнымъ боспорскимъ преданіемъ. Отъ этихъ историковъ-аѳинянъ и историковъ ранняго эллинистическаго времени идутъ, надо думать, содержательныя и интересныя свѣдѣнія объ исторіи Скиѳіи и Боспорскаго царства, сообщенныя намъ Діодоромъ, если только его рассказы о ранней исторіи Скиѳіи не восходятъ опять-таки къ тѣмъ же іонійцамъ черезъ посредство болѣе позднихъ историческихъ произведеній.

Ту же боспорскую оріентацію показываетъ и плохо намъ извѣстная географическая литература того времени.

Тѣсная связь между исторіей, географіей и этнографіей, которая наблюдается въ первыхъ попыткахъ греческой науки создать міровую исторію, требовала отъ всѣхъ тѣхъ, которые, какъ Эфоръ, желали дать

географо-этнографическій очеркъ всей *οἰκουμένη* на основаніи, главнымъ образомъ, географической и исторической литературы іонянъ, характеристики и тѣхъ племенъ, которыя жили на сѣверномъ и восточномъ берегахъ Чернаго моря, тѣмъ болѣе, что Скиоское царство продолжало существовать и еще при Филиппѣ давало чувствовать свою силу еракійскому и македонскому сѣверу Балканскаго полуострова (отсюда, вѣроятно, интересъ къ скиоамъ Теопомпа и тѣ цѣнныя и свѣжія свѣдѣнія о скиоахъ, которыя онъ намъ сообщаетъ).

Врядъ-ли, какъ мы увидимъ ниже, въ рукахъ у Эфора было много новаго и свѣжаго матеріала сравнительно съ тѣмъ, что дали въ свое время іоняне; самостоятельнаго знакомства съ Черноморьемъ у него, конечно, не было. Его матеріалъ поэтому, какъ увидимъ ниже, — матеріалъ изъ вторыхъ рукъ, притомъ матеріалъ, несомнѣнно, устарѣвшій. Но Эфоръ подошелъ къ этому матеріалу съ особой точки зрѣнія и оказалъ въ этомъ отношеніи гибельное вліяніе на всю позднѣйшую географо-этнографическую и историческую литературу.

Въ греческой литературѣ издавна существовала, наблюдающаяся не только въ Греціи, тенденція искать идеальнымъ условій жизни у далекихъ мнѳическихъ и полумнѳическихъ народовъ. Смутныя свѣдѣнія о кочевникахъ сѣвера Балканскаго полуострова подсказали древнѣйшей іонійской поэзіи образъ кочевыхъ племенъ, питающихся молокомъ, справедливѣйшихъ изъ людей — Абіевъ (см. II. XIII, 1—7). Ионійскіе географы и историки, познакомившіеся съ реальными кочевниками, не могли, конечно, удержать этотъ образъ. Въмѣсто безличныхъ Абіевъ въ поэзіи и наукѣ того времени появляется идеальный сказочный народъ гипербореевъ, происхожденіе которыхъ, вѣроятно, стоитъ въ связи съ религіей Аполлона. Локалізація гипербореевъ на далекомъ сѣверѣ, превращеніе ихъ изъ чисто мнѳологическаго образа въ сказочный полу-реальный народъ, перенесеніе на него чертъ соціальной утопіи — мы встрѣчаемъ, на примѣръ, уже у Гелланика. Но кочевыя племена Эракіи и Скиѳіи были для іонянъ реальной, хорошо знакомой величиной; идеализація ихъ была для нихъ невозможной и безсмысленной.

Начавшееся въ IV вѣкѣ подъ вліяніемъ Стои превращеніе Гомера въ образъ великаго мудреца, который все знаетъ и въ которомъ можно найти источникъ всей пышно-расцвѣтней греческой науки, тенденція установить этотъ образъ путемъ интерпретаціи его текста съ рядомъ

натяжекъ и произвольныхъ толкованій съ одной стороны, и морализующая тенденція Стои, желавшей противопоставить развращенному культурному человѣчеству типъ идеальныхъ людей, жившихъ согласно законамъ природы, съ другой стороны, привели Эфора къ тому, что онъ, спекулируя на плохомъ знакомствѣ своихъ современниковъ со скиѣми и на отсутствіи живого къ нимъ интереса, создалъ изъ этнографическаго матеріала іонянъ рядъ идеализующихъ образовъ отдѣльныхъ дикихъ народовъ. Для этой цѣли Эфоръ использовалъ преимущественно скиѣовъ, создавъ изъ нихъ типъ идеальныхъ номадовъ, которымъ онъ противопоставилъ становившихся хорошо извѣстными грекамъ того времени дикихъ и грубыхъ савроматовъ.

Картина, нарисованная Эфоромъ, имѣла огромный успѣхъ. Идеальные скиѣы—кочевники, живущіе согласно законамъ природы, стали любимой фигурой Стои и удержались до тѣхъ поръ, пока существовала и вліяла сама Стоя и родственный ей кинизмъ, т. е. до конца античности. Гомеролатрія Эфора и ряда его послѣдователей, о которыхъ ниже подробнѣе, филологическій методъ и стоическая идеализація кочевниковъ не могли не вызвать протеста въ здоровой наукѣ ранняго эллинизма. Отголоски горячаго боя, который завязался тогда въ Греціи около этого вопроса, ярко выступаютъ въ большемъ историческомъ, географическомъ и этнографическомъ трудѣ Страбона, который самъ всецѣло стоялъ на сторонѣ гомеролатровъ.

Главнымъ противникомъ стоическаго метода былъ геніальный Эратоссеенъ, величайшій географъ античности, вновь поставившій географію на научную базу, съ которой свели ее послѣ первыхъ попытокъ іонянъ іонійскіе же рассказчики и историки.

Но Эратоссеену, интересы котораго привлекала къ себѣ, главнымъ образомъ, чистая математическая географія, нечего было противопоставить этнографическимъ картинамъ Эфора, поскольку дѣло касалось сѣвернаго побережья Чернаго моря. Географія его времени знала греческіе города побережья, хорошо знакома была съ Боспоромъ, но все за предѣлами береговой полосы было для нея *terra incognita*.

Геродотовская Скиѣя была пустымъ мѣстомъ въ реальномъ, научномъ знаніи того времени. Здѣсь совершались передвиженія и столкновения племенъ, о которыхъ врядъ-ли знали что-нибудь толкомъ даже купцы греческихъ городовъ Черноморскаго побережья. Еще менѣе